

Илья Муромец (7)

Кабы прежде, досель да в молоду пору,
Как во том-де во городе во Мурови,
Как во том-де селе да Карачэгови,
Кабы был-то ле тут Иван Тимофеявич.
Кабы жил-то ле он да как состарилсэ,
Как ище того-де он скоре преставилсэ.
Как осталось у ёго да едино чадó,
Оно хвороё было, нездоровоё.
Он сидел-де на печке равно тридцеть лет,
Не ходили у ёго да ноги резвыя,
Не служили у ёго да руки белыя,
Как не говорил-то у ёго говорок-язык.
Во тридцатом-то году, да во последнёём,
Отпирались у ёго да двери на́ пету,
Заходила ему калика да перехожая:
«Уж ты здравствуй-ко ты, да доброй молодець!
Я пришла-де просить у тя милостену
Как для Христа-де Исуса царя небесного».
Говорил-то Илья да таково слово:
«Уж ты гой еси, кали́ка да перехожая!
Я сижу ведь на печьке равно тридцеть лет —
Как не служат мои да руки белыя,
Как не ходят мои да ноги резвыя.
Я не то тебе подать, да готов сам принять».
Говорит на то кали́ка да перехожая:
«Есле готов ты принять, дак я тебе подам».
Подавала кали́ка добру молодцу,
Подавала краюшку дару божьёго.
Кабы съел-то Илья краюшку дару божьёго —
Заслужили у ёго да ноги резвыя,
Заслужили у ёго да руки белыя,
Кабы стал говорить его говорок-езык.
Кабы в ету ле пору вот во то времё
Как кали́ка-та от его да потеряласе.
Как ставал тогды Илья да с печьки-муравленки,

Заходили у ёго да ноги резвяя,
Заслужили у ёго да руки белыя,
Уж как стал говорить да говорок-езык.
Как выходит старой да он на улецю,
Он пошёл-де к отцу да ведь родителю.
Увидал-то отець да Илью-сына́:
«Уж ты как же, мой сын, како пришёл сюда?
Кабы как у тя заслужили ноги резвяя,
Уж ведь как заслужили руки белыя,
Уж ле как у тя ведь стал да голос ведь зык, говорок-езык?»
Говорил на то Илья да сын Ивановиць:
«Заходила мне кали́ка перехожая,
Попросила у мя она милостену
Как для Христа-де ради царя небесного.
Отвечал-то кали́ке я перехожей:
„Я сижу-де на печьке равно тридцеть лет,
Как не то тебе подать, да готов сам принять“.
А вынимала кали́ка краюху дару божьёго.
Кабы съел-де Илья краюшку дару божьёго —
Заслужили у юго да руки белыя...
(Мы, мат, тожо опеть пели, дак!)
Заслужили у ёго опять да ноги резвяя,
Кабы стал говорить да говорок-язык
Выходил-то Илья да он на улецу,
Заходил-де к своёму ронну батюшку.
Как увидал-де ёго да ронной батюшко».
Кабы стал он звать ронно́го нынцѣ батюшка:
«Ты пойдѣм-ко со мной да на конюшон двор,
У тя есть ведь, ведь там ище доброй конь».
Походили оне да на конюшон двор,
Увидали они да тут добра́ коня,
Кабы ел он пшану да белоярову.
Говорит тут Илья отцу-родителю:
«Кабы есь ле у тебя пришпехи да богатырьския,
Уж как есь ле у тя копьецѣ да бурзумецкоѣ,
Есь ле, есь ле у тя палица́ буёвая,
Кабы есь ле у тебя латы́ булатныя?»
Как на то ле ему отвечал ронной батюшко:
«Кабы есь у мя копейцо бурзумецкоѣ,

Кабы есь у меня палица буёвая,
Кабы есь у меня ведь латы-ти булатныя,
Кабы есь-то мня да ище доброй конь!»
Как Илья-та ле стал всё подговаривать,
Как отвязывал Илья ище добра коня,
Как надевал-де уздецьку шамохацкую,
Надевал-де седелицо бурзумецкоё,
Надевал на ся он латы-ти булатныя,
Кабы брал с собой палицу буёвую,
Кабы брал с собой копéйцё бурзумецкоё,
Выводил-то Илья да нынь добра коня.
Как не видали посадку молодецкую,
Не видали побезку лошадинную,
Как увидели: в чистом поли только пыль стоит,
Кабы пыль-та стоит, да дым столбом валит.
Как поехал старой да чысту полю,
Как приехал по той дорожки прямоежжоей,
Приезжат он первой со заставы великой,
Приезжат он ле к тим да черным грязям.
Увидал он мужичков да новотóкманов.
Как мужички захватили добра молодца:
«Ах, куда же ты поехал, куды путь держишь?»
Как ведь стали за его да они грабитце,
Кабы стали ёго да подговаривать.
«Уж вы ой еси, ребята добры молодцы,
Уж вы ой еси, мужички да новотокманы!
Кабы взять-то у меня ведь ныньце нецего,
<K>абы бить-то меня ведь ныньце не за что —
Кабы есь у меня один да ищё доброй конь,
Кабы конь-от ле стоит вам во тысичу!
Кабы есь на мне шубочка ведь куния,
Она стоит ле ведь да во пятьсот рублей!
Кабы есь-то на мне да ище чуден крест,
Кабы-сь крест-от ведь стоит он во тысищу!»
Как ище того пуше мужички за его прималисе.
Кабы старой-от-де был на то ухватчивой,
Он выдерьгивал дерева подлiннóе,
Кабы стал он им махать да во все стороны —
Он убил всех мужичков да новотóкманов.

Как оттуль ведь старой да опять путь дёржал,
Кабы едёт старой да по чысту полю,
Подъезжат к Соловью да он Рахматову.
(Давай отдохнём!)

Как поехал старой <к> Соловью Рахматову.
Как сидел-то Соловей да на семи дубах,
На семи-то дубах, на вóсьми падубках.
Кабы едёт Илья да по чысту полю,
Подъезжает он Соловью ище Рахматову.
У старого конь да подпинайтце,
На резвы ноги конь да приклоняйтце.
Кабы бьёт-то Илья коня по тучным ребрам:
«Уж ты ой еси ле, мой да ты ведь доброй конь!
Уж ты что же у меня да подпинаиссе,
Уж ты что же у меня да подваляиссе!
Не слыхал ле ты в чистом поли вороньёго граянья?»
Как на то ведь старой да был догадлевой.
Как берёт ле ведь свой да ище тугой лук,
Он закладывает туда да калену стрелу,
Кабы стрелочке он да наговариват:
«Уж ты ой еси, моя да калена стрела!
Ты лети-ко повыше облака ходечаво,
Ты лети-то пониже красна солнышка,
Залети-ко ты Соловью ище нынь в правой глаз!»
Полетела стрела ище по воздуху,
Залетела Соловью да вот ведь в правой глаз.
Как на то ле был старой ище ухватчивой —
Ухватил Соловья да на полетику,
Как не дал Соловью упасть на сыру́ землю.
Он ле клал Соловья себе <в> глубок корман,
Отправлялсе старой да в путь-дорожечку.
У старого-то конь да подпинайтце,
Кабы бьёт-то старой ище добра коня:
«Уж ты что же ведь, мой да ты ведь доброй конь,
Ты не можь меня везти да на себе-то ли?»
Говорит-то ему да ище доброй конь:
«Не могу я вас нести, да двух богатырей!»
Так догонулсе тогда ище старой казак:
«Как у мя-то Соловей да ни в кормани ле?»

Вынимал Соловья да из кормана он,
Как прикаливал хвосту ище конинному,
Как поехал старой ище б чыстом полём,
Увидала старого молода жона
Так того Соловья да Будимировы.
Говорит она теперь да до... своим дочерям:
«Уж вы ой еси, мои да дочки милыя!
Как отець-от везёт да добра молодца».
Выходили они да вон на улецю,
Как смотрели они да во чысто полё,
Говорили своей да ронной матушки:
«Как не отець-от везёт да добра молодца —
Как везёт-то доброй молодець нашегó отца».
У Соловья-то ведь была да Будемировица,
Как была у ёго да молода жона.
Как на то она была ище догадълива:
Как заходила она да на больши врата,
Поннимала подворотенку тяжёлую,
Как хотела задавить да добра молодца.
Увидал-то Соловей да Будемирович,
Говорит-то своей да молодой жоны:
«Уж ты ой еси, моя да молода жона!
Не поннимай-ко ле ты тежолу воротенку —
Ты упрашивай-ко ты да добра молодца,
Ты давай-ко ему да золотой казны,
Выкупай-ко меня, да Со(л)... ой Соловьёшка».
Говорит на то старой да Илья Муровець:
«Мне не надо ле вашу золоту казну,
Вам не надо ле ведь мне ваше боґачество.
Выпускайте вы удалых добрых молодцов,
Отправляйте-ко вы их во страны́ свои,
Отправляйте-ко вы всех к вотцам-матерям».
Поежжат тогды Илья опеть в путь, да вперед держит.
Приежжал ле Илья да во стольной Киёв-град,
Как заежжал-то к двору князя Владимера,
Он слезывал-то, старой, да со добра коня,
Он привязывал ёго да к дубову столбу,
Заходил-де Илья в гриню княжонецкую.
Как встават-то Илья перед святым Боґом,

Кабы молитце Илья да Восподу Богу,
Кабы крест-от кладёт да по-учёному,
Как молитву творит полну Исусову,
На все стороны Илья да поклоняйтце,
Как князю со княгиной на особицу:
«Уж ты здраствуешь, солнышко Владимир-князь!
Уж ты здраствуешь, княгина да мать Апраксея!
Уж вы здраствуйте, удалы добры молодцы!»
Отвечат-то на то ище Владимир-князь:
«Приходи-ко ты, удалый добрый молодец!
Как откуль же идёшь да откуль прависсе?
Как какой же ле ведь ты да нынь какой страны,
Как какой-де страны, да ты какой Орды?»
Говорит на то Илья да таковы слова:
«Я ведь еду из города из Мурова,
От того еду села да Карачэгова,
Как меня именем зовут Илья да сын Иванович,
Уж я ехал дорожкой прямоежкой,
По котора-то дорожка заросла давно.
Как по ей ле ведь тридцеть лет нехто не хаживал,
И по ей-то ище нехто не ежживал,
Кабы белой-от ведь заюшко не проскакивал,
Кабы серой горносталь да не пролетывал.
Я проехал все ведь за́ставы великия,
Я привёз-де сюда да Соловья Будемировы».
Кабы все-то народ да приудрогнули,
Кабы все-то народ да испужалисе.
Как походят они да вон на улецу
Как смотреть Соловья да Будемировица,
Выходили они да вон на улецу,
Как говорят-то Соловьё да таковы слова:
«Уж ты ой еси, Соловей да Будемирович!
Зареви-ко ведь ты да по-зверинному,
Засвисти-ко ведь ты да по-соловьинному!»
Отвечал Соловей да таковы слова:
«Я не ваше ведь ем, не ваше кушаю,
Я не вас-то сейчас да ведь я слушаю».
Говорили они Илью Ивановичу:
«Ты прикажи-ко и ему да зареветь сейчас,

Как пускай он заревёт да по-зверинному,
Как пускай засвистит по-соловинному!»
Приказал ему старой свистеть по-соловинному,
Как реветь-то ему да по-зверинному,
Да вот велел-то ему ревить в полусвиста.
Заревел тогда Соловей да во полусвиста —
Кабы царя-та князя гриння с рёву зашаталасе,
Как столы-ти ведь все да завальлялисье,
Кабы пиццы-те все да прирассыпалисье,
Как дороги-ти вина все розливалисье.
Кабы все-то старóго приухвалили,
Кабы все-то старóго ведь проздравили,
Кабы все-то старóго на пир приняли,
Кабы все-то ле им стали́ довольныя.
Кабы солнышко батюшко Владимир-князь
Подарил-де старому как подарочки,
Одарил-де старого Илью Муромца,
Кабы все-то старóго на пир приняли,
Кабы все-то старым были довольныя,
Кабы старóму приказали Соловья убить,
Кабы не было ёго чтобы на всём свети.
Кабы тем-то старина́ да ета кончилась.

(Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма — от Вокуева Гаврилы Васильевича, 82 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.